

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)*

Восточнославянский языковой ландшафт и проблемы его изучения

В статье представлены возможности интерпретации карт проекта «Восточнославянские изогlossen». Авторы демонстрируют несколько типов членения восточнославянского лингвистического пространства, отраженные на картах ВСИ: противопоставление центрального и периферийных (маргинальных) ареалов, «опоясывающий ареал», вертикальное членение территории.

Ключевые слова: восточнославянские изогlossen, центр и периферия, ареал, вокальность и консонантность.

Одним из значимых лингвогеографических трудов конца XX — начала XXI вв. стал проект «Восточнославянские изогlossen» (ВСИ), вдохновителем и организатором которого выступила С. В. Бромлей. Этот проект Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН был задуман и обоснован еще в 80-е гг. XX в. и предполагал общую работу диалектологов академических институтов Белоруссии, Украины и России. Доказательство необходимости подобного исследования содержится в статьях С. В. Бромлей: «Целый ряд различительных восточнославянских явлений невозможно квалифицировать ни как языковые, т. е. противопоставляющие отдельные восточнославянские языки, ни как диалектные, т. е. различительные только в пределах отдельных восточнославянских языков. Это является главным лингвогеографическим критерием, позволяющим квалифицировать восточнославянские языки как самостоятельный и целостный объект лингвогеографии» [Бромлей 1985а: 177]. С. В. Бромлей возглавляла проект ВСИ с 1987 по 1991 г., когда ее на посту руководителя сменила Т. В. Попова. Известные лингвисты Института славяноведения Л. Э. Калнынь и Г. П. Клепикова с интересом отнеслись к теме ВСИ и приняли самое активное участие в ее продвижении. Надо сказать, что названные слависты на разных этапах своей деятельности входили в авторские коллективы фундаментальных

лингвогеографических предприятий¹. Естественно, что опыт работы и глубокое погружение в материал позволили им целостно представить восточнославянский диалектный континуум в контексте всей Славии и сопредельных территорий и дали большие возможности для интерпретации: по мере выхода выпусков ВСИ исследователи стали осмыслять полученные результаты картографирования и выделять релевантные в типологическом и историческом плане зоны и ареалы [Калнынь 2002; Клепикова 2006; Попова 2002, 2006].

Людмила Эдуардовна Калнынь, крупнейший специалист в области фонетики и фонологии славянских диалектов, в рамках проекта написала 6 значимых статей: 1. «Рефлексация праславянского латерального сонанта *//» (ВСИ, вып. 1, 1995); 2. «Протетические согласные перед лабиализованными гласными»; 3. «Сочетание взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами» (вып. 2, 1998); 4. «Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов»; 5. «Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными» (вып. 3, 2000); 6. «Гласные предударного слога» (вып. 4, 2006).

Отделом диалектологии ИРЯ РАН было издано 4 выпуска ВСИ, куда вошло 55 карт всех языковых уровней с подробными комментариями к ним, а также ряд статей общетеоретического характера. Уже после ухода из жизни Т. В. Поповой увидела свет ее работа, подводящая итоги проекта и интерпретирующая восточнославянские изоглоссы с опорой на опубликованные материалы, туда же включен перечень статей всех выпусков [Попова 2017].

Карты ВСИ подтвердили высказанную многими лингвистами гипотезу о том, что северо-восточные русские говоры по ряду разноуровневых явлений соотносимы с говорами юго-западного ареала, куда входит большая часть украинских говоров и часть белорусских [Бромлей 2006; Гриценко 1990: 375; Трубачев 2000]. Юго-западная зона в зависимости от конкретного явления может представлять узкий ареал, включая самые западные и юго-западные украинские территории, или охватывать целиком говоры украинского и белорусского языков, а на некоторых картах к ним примыкают русские юго-западные говоры. Пучки изоглосс, характеризую-

¹ Л. Э. Калнынь — автор Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), Г. П. Клепикова — автор ОЛА, Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА), Т. В. Попова — автор ОЛА, ОКДА, Болгарского диалектологического атласа (Български диалектен атлас).

ющие выделенные территории — северо-восток и юго-запад, перечислены в [Попова 2017: 256–259].

Указанные ареалы прослеживаются на карте Л. Э. Калнынь, посвященной вокальности / консонантности диалектных систем. Сравнение славянских языков по этим характеристикам — одна из типологических задач, давно волновавшая славистов. Так, А. В. Исаченко в своей классификации славянских языков относил восточнославянские языки к радикальному консонантическому типу [Исаченко 1963]. На русском диалектном материале степень вокализированности сонорных и явления, с этим связанные, изучала С. В. Бромлей, полагавшая качество сонорных важнейшим показателем вокальности/консонантности системы говора. Именно она первой обратила внимание на то, что русские центральные и периферийные говоры, так они были названы в труде [Захарова, Орлова 1970], противопоставлены по данному признаку: центральные — более консонантны, а периферийные — более вокальны. В своих выводах С. В. Бромлей шла дальше и, опираясь на работы фонетистов, утверждала: «Важно также, что этот признак позволяет рассматривать русские диалекты в широком контексте других славянских языков, прежде всего восточнославянских, и может служить мерилем их типологического сравнения» [Бромлей 1985б: 28]. Л. Э. Калнынь изучала восточнославянские говоры именно в этом направлении, детально описав инвентарь гласных и согласных в различных диалектах, а также правила звуковой синтагматики [Калнынь 2000]. Со стороны инвентаря всё было достаточно ясно: наличие большего количества используемых гласных единиц соответствует большей вокальности (от 5 до 8 фонем в системе вокализма), а наличие большего количества согласных единиц — большей консонантности. Но в синтагматическом плане дело обстояло гораздо сложнее, автором был проанализирован целый ряд фонетических черт, назовем лишь некоторые из них: спирализация гласного и редукция безударного гласного до нуля, которые снижают уровень вокальности, отношение гласных к ударению, оценка степени консонантности согласных по шкале нарастания консонантных признаков, различного рода ассимиляции (*дн* — *нн*, *бм* — *мм*) и т. д.

С учетом приведенных характеристик удалось выделить основные противопоставленные ареалы: 1. украинские и часть южных белорусских говоров, в которых вокалические черты представлены наиболее концентрированно, 2. северо-восточные русские говоры — со сравнительно высоким уровнем вокальности и 3. между этими ареалами расположены

говору с большей консонантностью — севернобелорусские, а на русской территории — говоры южного наречия и среднерусские.

Противопоставление по признаку вокальности/консонантности показывает, что в центральной части восточнославянской территории преобладают консонантные системы, а на периферии — северо-востоке и юго-западе — отмечены более вокалические. Таким образом, тенденция, уловленная С. В. Бромлей на материале русских говоров, оказалась актуальной для всего восточнославянского пространства: говоры, находящиеся на периферии, отличаются большей вокальностью.

Детальный анализ всех признаков позволил Л. Э. Калнынь утверждать: «Самый высокий уровень консонантности присущ русским говорам, имеющим мягкие губные согласные на конце слова и ассимилятивное смягчение этих согласных перед *к'* (*ба'н'к'и, де'ф'к'и, тря'н'к'и*. — Б. К.). Это говоры юго-востока территории карты. Диалектный регион, в котором эти черты сочетаются с нулевой редукцией безударных гласных, может считаться минимально вокалическим и максимально консонантным во всей Славии» [Калнынь 2000: 25]. Наиболее вокалическими для восточнославянской зоны являются северо-западные украинские говоры в пределах Волынской области, в которых «нет мягких губных согласных, нет мягкого вибранта, звонкие согласные сохраняются на конце слова и перед глухими, происходят изменения в группах согласных...» [там же: 25]; помимо этого, в них отмечаются общеукраинские вокалические черты.

Похожую лингвогеографическую картину демонстрирует и ряд других карт: «Рефлексация праславянского латерального сонанта */l/» [Калнынь 1995], «Формы инфинитива от глаголов с основой на /к/, /г/» [Попова 2000] и «Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных» [Пшеничнова 2000]. В статье Н. Н. Пшеничновой уточняется, что зоны утраты интервокального [j] и стяжения гласных в русских говорах у прилагательных практически совпадают с соответствующими зонами у глаголов. Подводя итоги анализа процессов, связанных со стяжением, исследователь пишет, что «рассмотренное явление хорошо согласуется с идеей о противопоставленности русских периферийных говоров и украинских, части белорусских как говоров более вокальных русским центральным говорам как говорам более консонантным» [Пшеничнова 2000: 46].

Как известно, вопрос о центральных и периферийных (маргинальных) ареалах как в пределах одного языка, так и для совокупности родствен-

ных языков всегда вызывал интерес лингвистов. При этом общепринятым считается положение о том, что именно на периферии сохраняются архаические черты, в то время как зона центра интенсивнее подвержена воздействию инновационных процессов. Но накопленные данные по разным идиомам и разным языковым уровням показывают, что это утверждение не является универсальным: для каждого языкового явления могут существовать свои зоны инновации и архаичности, которые не совпадают с выделенными территориями центра и периферии. Следует подчеркнуть, что нет говоров, однозначно определяемых как только инновационные или как только архаические.

Обратимся в качестве примера к одной из статей академика О. Н. Трубачева, в которой рассмотрен лингвистический ландшафт праславянского лексического диалектизма **kъrmyslъ*/**čъrmyslъ* ‘приспособление для ношения, подвешивания ведер’. На составленной лингвистом по материалам, собранным для ДАРЯ, карте противопоставлена более древняя, с его точки зрения, форма муж. р. *коромысел*, *коромысль* и инновационная ср. р. *коромысло*. Анализируя карту, автор пишет: «На ней четко представлены две главных периферийных (латеральных) зоны с продолжениями более древней формы муж. рода **kъrmyslъ* — западная, сопредельная с однотипными украинскими и белорусскими данными, и восточная, несколько более прерывистая» [Трубачев 2002: 18]. Восточная территория распространения формы муж. р. *коромысел* во многом совпадает с русскими говорами центральной диалектной зоны, в то время как в русских говорах северо-востока, которые по фонетическим признакам считаются более архаическими, представлена форма ср. р. *коромысло*. Вообще лингвистический ландшафт лексического уровня во многих случаях дает более своеобразную картину членения восточнославянского пространства [Букринская, Кармакова 2003].

Далее мы хотим рассмотреть весьма своеобразное членение восточнославянского диалектного континуума, которое прослеживается на материале разноуровневых языковых явлений. Так, выделяется «опоясывающий ареал» (северные и северо-западные русские говоры, белорусские, украинские говоры), который противопоставлен центральным и южным русским говорам. Именно такое членение восточнославянской территории представлено на карте «Глаголы со значением возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)» [Букринская, Кармакова 1995]. Говоры северного наречия и северо-западной диалектной зоны объединяются с украинскими и белорусскими наличием архаической лексемы — глагола *орать*

в значении ‘возделывать землю’ [АУМ 1, к. 143; АУМ 2, к. 124; ДАРЯ III, к. 45; ДАБМ, к. 265]. В современных русских говорах лексема сохраняется лишь в пассивном словаре носителей традиционного говора. В противопоставленном ареале (восточные среднерусские и южнорусские говоры) в указанном значении употребляется другой архаический глагол — *пахать*. При этом глагол *пахать* известен всем русским говорам, а при сосуществовании с глаголом *орать* он имеет несколько иную семантику: ‘рубить лес’, ‘очищать, подготавливать землю под посев’. Такое разграничение значений при сосуществовании отмечалось еще в севернорусских памятниках письменности [Дерягин 1968; Марков 1988]. Кроме того, в севернорусских говорах у глагола *пахать* фиксируется значение ‘мести подметать, чистить, сдувать’ [ДАРЯ III, к. 100; Теплова 1985].

Что касается других восточнославянских языков, то в белорусских говорах *пахать* ‘возделывать землю’ имеет небольшие ареалы, а в северо-западных белорусских говорах известно значение ‘бороновать поле после сева’ [ДАБМ, к. 266]. В большинстве украинских говоров рассматриваемая лексема не отмечается. На соотношение приведенных значений глагола *пахать* и его этимологию существует несколько точек зрения, мы придерживаемся точки зрения А. Вайана, который, проанализировав все значения этого глагола в славянских языках, выстраивает такую зависимость: «значение ‘проветривать’, ‘веять’, ‘сметать, подметать’ соотносится с ‘чистить’, ‘подметать’ в балтийских и германских языках; в свою очередь ‘делать, работать’, а также русское ‘возделывать, обрабатывать землю’ соотносится с верхненемецким ‘подготавливать, заботиться’ и с литовским ‘отделывать, подготавливать’ [Vaillant 1964: 91]. В отдельных архаических севернорусских говорах сохранились реликтовые значения этого глагола: ‘припасать, заготавливать’, ‘наготовить, наделать’» [Букринская, Кармакова 1995: 93]. Как видно из приведенного примера, оба глагола принадлежат к архаической лексике, и в этом случае не приходится говорить о зоне инновации.

Похожую ареальную картину демонстрируют словообразовательные модели названия ягод: суффикс *-иц(а)* — *брусни́ца, черни́ца* (рус.), *брусни́ца, чарни́ца* (блр.), *брусни́ця, чорни́ця* (укр.) образует «попоясывающий ареал», в который входят северные и западные русские говоры, белорусские и украинские; ему противопоставлен ареал с суф. *-иц(а)* — *брусни́га, черни́га* — в восточных среднерусских говорах [ДАРЯ, к. 86] и ареал суф. *-ик(а)*: *брусника, черника* (рус.) в центральных и южнорусских говорах. Следует заметить, что модель с суф. *-ик(а)* встречается и в северных гово-

рах, что объясняется, скорее всего, влиянием литературного языка. Академик Н. И. Толстой считает суффикс *-ika* более архаичным и отмечает его наличие в южнославянских языках: сербохорватском и болгарском, при отсутствии в западнославянских [Толстой 1977: 47].

Об «опоясывающем ареале» можно говорить и на материале фонетических явлений. Например, наличие твердых губных согласных (*м, н, б*) на конце слова: *сем, вóсем, гóлу*[п], *прóлу*[п] [ДАРЯ I, к. 70]. В центральных, восточных и юго-восточных русских говорах в этой позиции представлены мягкие согласные. В говорах северного наречия отмечено сосуществование твердого и мягкого вариантов произношения. В белорусских и украинских говорах представлены твердые губные согласные.

Еще один вариант членения лингвистического ландшафта можно назвать условно вертикальным, противопоставляющим восточные и западные территории. Примером тому является карта, посвященная названиям коллективной помощи в сельской работе [ДАРЯ III, к. 55; ДАБМ, к. 315]. Восточный ареал охватывает русские говоры северного наречия, центральной и юго-восточной диалектных зон, где распространены номинации *помочь / помочи, помощь*. Во втором, западном, ареале отмечены названия с корнем **tolk-* — это русские говоры западной диалектной зоны, украинские и белорусские. В белорусских говорах наименования *талака́, то́лака, тало́ка* известны практически повсеместно, лишь в центральных говорах южнее и западнее Минска зафиксировано слово *помочь*. На территории украинских говоров, судя по данным словарей, широко распространено название *толока́*; к сожалению, карта в АУМ отсутствует.

Помимо названного значения, лексемам *толо́ка, толо́к* в восточнославянских языках присуще и иное, с основной семой ‘земля под паром’: ‘нива, оставленная на отдых’, ‘пар, паровое поле’, ‘пар, на котором пасется скот’, ‘парина, паровое поле, на которое пускают скот при трехпольном хозяйстве’, ‘скотный выгон’, ‘сельское общее пастбище’ [Даль; Гринченко; ДАБМ, к. 315]. Значение ‘пар, паровое поле, на которое пускают скот’ отмечается и в польском языке. В материалах ДАРЯ подобные значения приведены единично (Курская, Брянская обл.). Об этих и других значениях приведенных лексем и их этимологии см. [Фасмер; Букринская, Кармакова 2016].

Вертикальное членение представлено и на карте ВСИ «Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот*» [Голубева 2000: 104; см. ДАРЯ II, к. 69]. В белорусских, украинских и западных русских говорах отмечены формы И. п. ед. ч. муж. р. местоимения с основой на *-j-*: *той, тый, тэй*, которые образовались от старого указательного местоимения

ть присоединением окончания прилагательных, с отражением особой судьбы редуцированных. Этой территории противопоставлен обширный ареал — северные, центральные и юго-восточные русские говоры — местоимения *тот*, которое образовано редупликацией: *тътъ* из *тъ*.

Мы рассмотрели далеко не все репрезентативные пучки изоглоссы, представленные в проекте ВСИ, а те, которые, на наш взгляд, являются интересными и своеобразными. В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на тот факт, что центральные и юго-восточные русские говоры выделяются на многих картах чертами, которые не отмечены на других восточнославянских территориях. Эти говоры с точки зрения всего восточнославянского континуума являются восточными периферийными, а противопоставление восточных и западных территорий нуждается в дальнейшем изучении.

Таким образом, изучение восточнославянского лингвистического ландшафта дает богатый материал для уточнения процесса складывания диалектных различий, определения архаических и инновационных явлений, прояснения этимологии слов. Представляется, что различные типы членения лингвистического пространства отражают разные этапы развития восточнославянских идиомов.

Литература

- АУМ 1, 2 — Атлас української мови: в 3-х т. Київ. 1984–2001. Т. 1–3.
- Бромлей 1985а — Бромлей С. В. Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию академика В. И. Борковского. М., 1985. С. 172–179.
- Бромлей 1985б — Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 8–31.
- Бромлей 2006 — Бромлей С. В. Восточнославянские изоглоссы // Восточнославянские изоглоссы. М., 2006. Вып. 4. С. 172–175.
- Букринская, Кармакова 1995 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Глаголы со значением ‘возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)’ // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995. Вып. I. С. 90–93.
- Букринская, Кармакова 2003 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003. С. 3–16.
- Букринская, Кармакова 2016 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Названия обычая

- коллективной помощи в сельской работе // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2016. СПб., 2016. С. 77–89.
- Голубева 2000 — *Голубева Н. Л.* Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот, этот* // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 94–105.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь української мови у 4 т. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гриценко 1990 — *Гриценко П. Е.* Ареальне варіювання лексики. Київ, 1990.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- ДАРЯ I, II, III — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986; вып. II. Морфология. М., 1989; вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Лексика. Синтаксис. М., 2004.
- Дерягин 1968 — *Дерягин В. Я.* К истории слова *пахать* в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968. Вып. VI. С. 46–51.
- Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Исаченко 1963 — *Исаченко А. В.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963. Т. III. С. 106–121.
- Калнынь 1995 — *Калнынь Л. Э.* Рефлексация праславянского латерального сонанта */ // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995. Вып. 1. С. 14–19.
- Калнынь 2000 — *Калнынь Л. Э.* Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 10–32.
- Калнынь 2002 — *Калнынь Л. Э.* Восточнославянская лингвогеография в ее отношении к славянскому континууму // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 11–17.
- Клепикова 2006 — *Клепикова Г. П.* Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» // Восточнославянские изоглоссы. М., 2006. Вып. 4. С. 10–29.
- Марков 1988 — *Марков В. М.* О глаголах *пахать* и *орать* // ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 214–219.
- Попова 2000 — *Попова Т. В.* Формы инфинитива от глаголов с основой на /к/, /г/ типа рус. лит. *печь, беречь* // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 106–119.
- Попова 2002 — *Попова Т. В.* «Восточнославянские изоглоссы» и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 18–26.
- Попова 2006 — *Попова Т. В.* Синхронная и диахроническая интерпретация северовосточных и юго-западных изоглосс восточнославянского диалектного континуума // Славистика: диахрония и синхрония. М., 2006. С. 600–617.
- Попова 2017 — *Попова Т. В.* Восточнославянская лингвогеографическая проблематика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. Вып. 12. Диалектология. С. 240–262.
- Пшеничникова 2000 — *Пшеничникова Н. Н.* Утрата интервокального [j] и стяжение глас-

- ных в формах прилагательных // Восточнославянские изоглоссы. М., 2000. Вып. 3. С. 39–50.
- Теплова 1985 — *Теплова В. Н.* Об употреблении глагола *пахать* в значениях, не связанных с процессом пахоты // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 151–158.
- Толстой 1977 — *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977. С. 37–56.
- Трубачев 2000 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 4–27.
- Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 5–25.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Vaillant 1964 — *Vaillant A.* Slave *paše-, paxati* // *Revue des études slaves*. 1964. V. 43. P. 90–91.

Summary

*Irina Bukrinskaya,
Olga Karmakova*

East Slavic language landscape and problems of its study

The article presents the history of *East Slavic isoglosses* project (ESI). The authors show the possibilities of interpretation of its materials, analyze selected maps from the ESI issues, representative for classification of the East Slavic continuum. The article discusses topical issues of linguogeography: the opposition between centre and periphery, how vocal or consonantal dialects are, the presence of archaic and innovative phenomena.

Keywords: East Slavic isoglosses, center and periphery, vocality/consonance, lexical and semantic differences.